

РАССЕЛЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-КЛЯЗЬМИНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Н.А. Макаров, А.М. Красникова, И.Е. Зайцева

МОГИЛЬНИК БОЛЬШОЕ ДАВЫДОВСКОЕ II В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Могильник Большое Давыдовское II — единственный известный в настоящее время погребальный памятник середины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье, представляющий, в силу этого обстоятельства, значительный интерес для исследования культурной ситуации в Волго-Клязьминском междуречье на стыке железного века и Средневековья.

Могильник был открыт Суздальской экспедицией в 2007 г. при повторном обследовании одного из средневековых селищ в 20 км к северо-западу от Суздаля у с. Большое Давыдовское. В шурфе, заложенном на месте грабительского разрытия, были выявлены два грунтовых погребения по обряду ингумации, сопровождавшиеся металлическими украшениями середины I тыс. н. э. В ходе раскопок, проведенных в 2008 г., на могильнике был вскрыт участок площадью чуть более 300 м² с 10 могилами, в которых находились останки 14 погребенных, сопровождавшиеся многочисленным вещевым инвентарем. Раскопки дали яркий материал, характеризующий материальную культуру и погребальные традиции финского населения центральной части Суздальской земли в середине I тыс. н. э. и его связи с рязано-окскими, прикамскими и позднедьяковскими племенами. Предварительные итоги исследований 2007–2008 гг. введены в научный оборот (*Макаров, Красникова, Зайцева, 2010*). Дальнейшей задачей полевых работ стало расширение раскопа на площадке могильника, поиски и исследование новых погребений, более полное раскрытие планиграфической ситуации и пространственной организации некрополя. Эта программа была частично реализована при продолжении раскопок в 2009 г. В настоящей публикации излагаются основные результаты полевых исследований 2009 г., значительно дополнивших археологические материалы, полученные в результате работ двух первых сезонов.

Могильник Большое Давыдовское II располагается на правом берегу небольшой речки Урды, правого притока р. Ирмес, при выходе в ее долину проточного оврага. Площадка могильника перекрыта культурным слоем одноименного поселения

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Финские древности I-й пол. — сер. I тыс. н. э. в Суздальском Ополье».

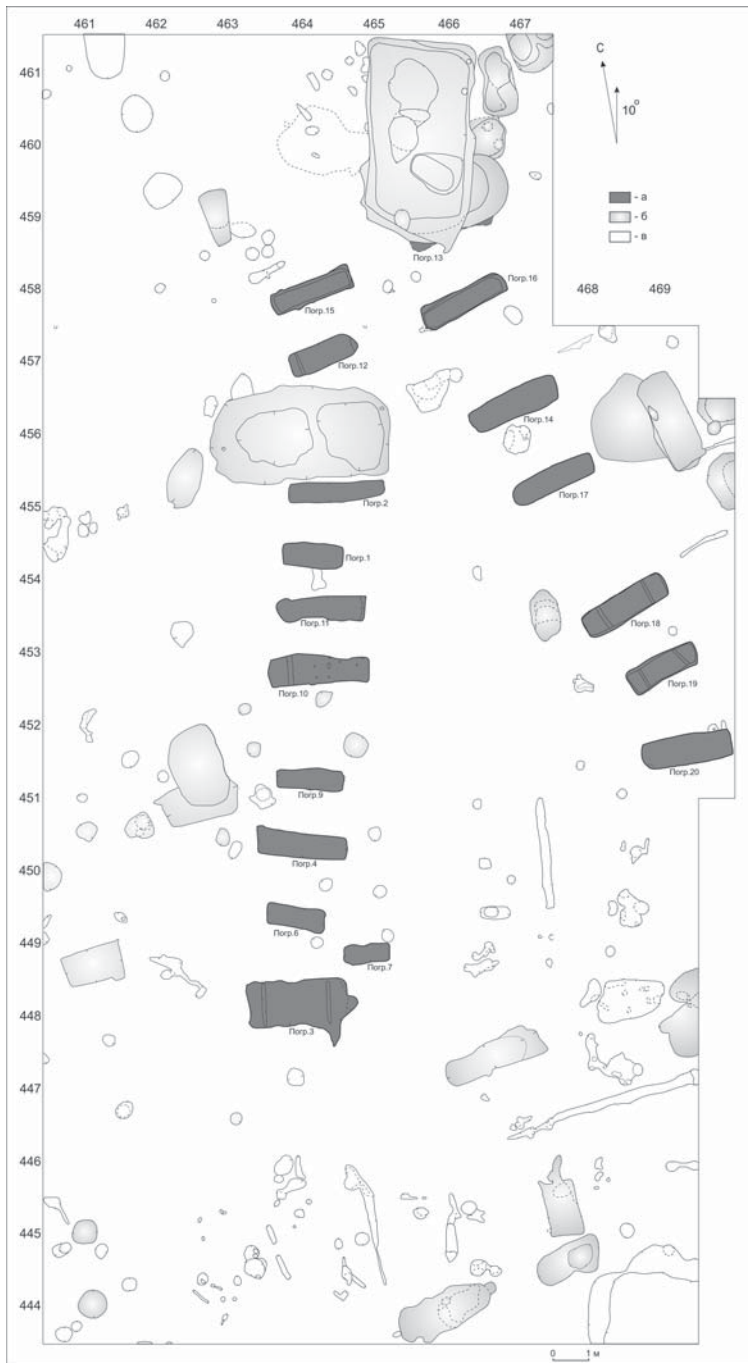

Рис. 1. Могильник Большое Давыдовское II. План раскопа с погребениями
a – погребения III–V вв.; *б* – древнерусские ямы X–XIII вв.;
в – объекты с невыясненной датировкой

площадью около 5 га, занимающего мыс между оврагом и р. Урдой. Заложенный в 2009 г. раскоп площадью чуть более 320 м² вплотную примыкал с севера, востока и юга к участку, вскрытому в 2008 г. Общая площадь раскопок на памятнике составила более 620 м² (рис. 1). После разборки перемешанного распашкой культурного слоя толщиной до 40 см, а в северной части — также прослойки темно-серого гумусированного суглинка (погребенного почвенного гумуса), при зачистке желтого материкового суглинка в раскопе обозначились контуры 8 могильных ям, содержавших погребения середины I тыс. н. э. (из них 7 — по обряду ингумации, а одно полностью разрушено ямой древнерусского времени).

Помимо этого, на раскрытой площади зафиксировано более 70 материковых ям, часть которых можно с уверенностью датировать XI–XII вв. Одна из них, расположенная в северной части раскопа (яма 80), представляет собой подполье древнерусской постройки середины XII в. При разборе ее заполнения были обнаружены мелкие фрагменты бронзовых изделий, которые можно связывать с погребальным инвентарем середины I тыс. н. э. В целом же максимальная концентрация древнерусских объектов отмечена в северной, северо-восточной и юго-восточной частях раскопа.

Расширение площади раскопа показало, что погребения на исследуемом участке могильника образуют два ряда, первый из которых вытянут в направлении С–Ю с отклонением от оси 10–12°, а второй имеет отклонение около 15°. Выявленное в раскопе 2009 г. погребение 15² принадлежит к первому ряду, погребения 13, 14, 16–20 образуют второй ряд. Расстояние между рядами погребений в северной части открытой площадки могильника составляет 2 м, в южной части достигает 8 м. Могильные ямы располагались на расстоянии 1–3,5 м друг от друга.

Все могильные ямы имели подпрямоугольную форму со скругленными углами, вертикальные или с небольшим уклоном стенки, плоское или слабоогнутое дно. Их размеры колебались от 2,1 до 2,7 м, при ширине 0,64–0,75 м. Глубина от уровня современной поверхности составляла от 0,64 до 0,84 м, глубина от уровня материка — 0,24–0,47 м.

Заполнение могильных ям составлено темным бурым суглинком с примесью желтого материкового суглинка. В засыпке почти всех погребений встречаются мелкие угольки и отдельные фрагменты древесного тлена. В погребении 16 зафиксированы следы обугленной деревянной плахи, частично перекрывавшей погребение. Практически во всех погребениях под вещевым инвентарем и перекрытыми им костными останками отмечены фрагменты древесной органики, волокна которой направлены по длинной оси ям. В могильных ямах 18 и 19 фиксируются следы деревянных внутримогильных конструкций. Они представляют собой подпрямоугольные в плане углубления, перпендикулярные длинной оси могильной ямы и расположенные «в ногах» и «в головах» погребенного. В открытых ранее погребениях (3, 10, 12) отмечались аналогичные следы деревянных плашек, иногда фиксирующиеся только с одной из сторон, как в погребениях 10 и 12. Подобные следы деревянных конструкций отмечены в нескольких погребениях Безводнинского могильника, относящихся к разным стадиям его существования (Краснов, 1982. С. 20. Рис. 10). Однако общий

² Нумерация погребений сплошная и продолжает нумерацию 2007–2008 гг. № 5 и № 8 в 2008 г. были даны ямам, интерпретированным как погребения древнерусского времени.

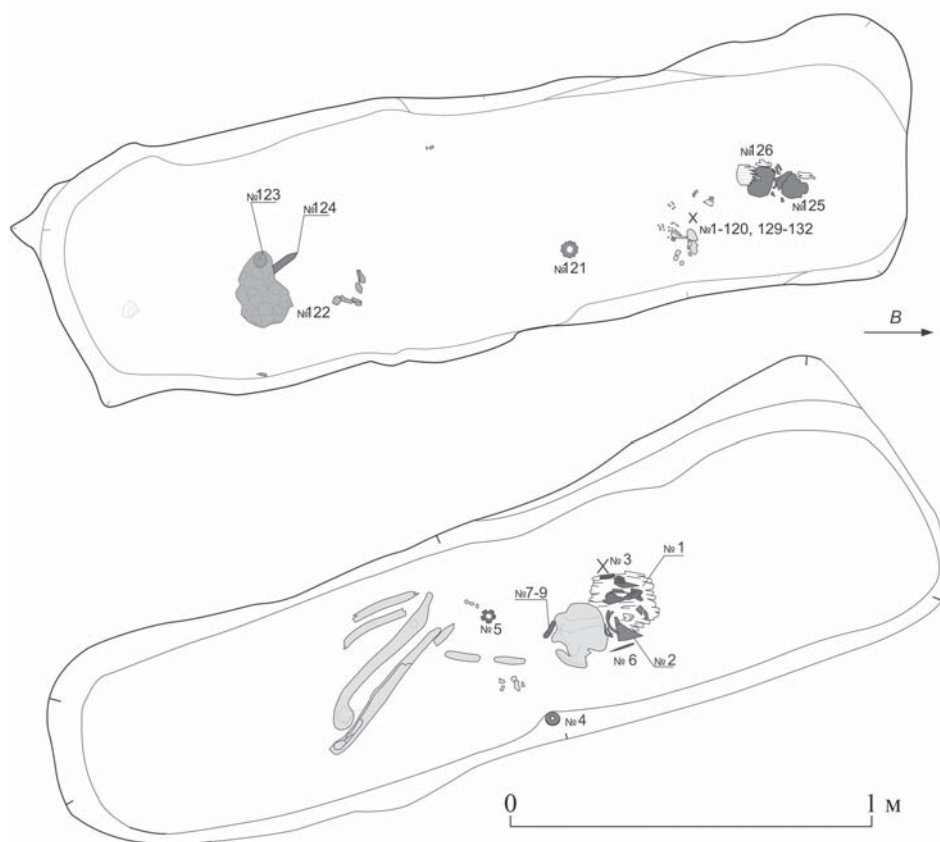

Рис. 2. Могильник Большое Давыдовское II. Планы погребений
 1 – погребение 15; 2 – погребение 16

характер погребальных конструкций — была ли это деревянная обкладка ям, настил или ящики, опиравшиеся на поперечные подкладки, — остается неясным.

Все открытые погребения совершены по обряду ингумации. В 6 могилах находились одиночные погребения, в одной (погребение 17) — коллективное, содержащее останки 2 индивидов. Кости погребенных — черепа, посткраниальный скелет — почти во всех погребениях сохранились лишь фрагментарно. Судя по остаткам костей и костному тлену, практически все погребенные лежали вытянуто на спине, головой на восток. Исключениями являются индивид 2 из погребения 17, лежавший головой на запад, и индивид из погребения 16, лежавший головой на восток, но на боку и, вероятно, в скорченном положении (рис. 2, 2).

Определение антропологических материалов из погребений было произведено д. и. н. М.В. Добровольской (табл. 1). Установлено, что костные останки двух индивидов (погребения 17-2, 19) принадлежат детям в возрасте от 5 до 10 лет, 6 погребенных — взрослые, 15–39 лет. У одного из индивидов — ребенка 5–10 лет — зажившая черепная травма на теменной кости (п. 17-2).

Таблица 1. Могильник Большое Давыдовское II. Половозрастные определения и погребальный инвентарь

№ погребения	Возраст	Пол	Металлические украшения и детали одежды	Предметы быта
14	взрослый, 25–29	мужской?	+	+
15	взрослый, 30–34	женский?	+	+
16	взрослый, 15–20	женский?	+	+
17-1	взрослый, 25–29	мужской?	+	+
17-2	ребенок, 5–10	?	+	
18	взрослый, 20–29	женский	+	+
19	ребенок, 10 лет	?		
20	взрослый, 30–39	женский	+	+

Пол с уверенностью определен лишь в двух случаях, по костным остаткам из погребений 18 и 20, принадлежавших молодым женщинам. Анализ инвентаря, сопровождавшего захоронения, в сочетании с данными антропологии позволяет говорить о том, что среди 6 взрослых индивидов двое мужчин и 4 женщины.

Во всех могилах присутствовал погребальный инвентарь (рис. 3–5 — см. цветную вклейку). Выделяются комплекс украшений и деталей костюма из железа, бронзы и стекла и бытовые предметы. Погребения взрослых мужчин сопровождались бытовыми вещами и поясной гарнитурой. Погребения женщин содержали многочисленные бронзовые украшения, стеклянные бусы и отдельные бытовые предметы. В детских погребениях инвентарь был представлен только бронзовыми проволочными височными колечками.

Среди бронзовых украшений следует особо выделить височные кольца с лопастью (рис. 4, 6, 7; 5, 1, 2 — см. цветную вклейку), известные, главным образом, по находкам в рязано-окских могильниках (*Белоцерковская*, 2007. С. 191). Они найдены парами в 4 погребениях (15, 16, 18, 20). В погребении 18 височные кольца зафиксированы по месту ношения и представляют часть убора, в остальных погребениях лежали рядом с черепом, как правило, к востоку от него (в качестве дара или сопровождающего инвентаря?). Височные перстнеобразные проволочные колечки присутствовали почти во всех погребениях, атрибутированных как женские или детские.

В погребении 18 зафиксированы остатки головного убора, расшитого бронзовыми нашивными бляшками и спиральными пронизками (рис. 5, 11–14 — см. цветную вклейку). Отдельные спиральные пронизки или их скопления встречены практически во всех женских погребениях.

Массивные бронзовые круглодротовые гривны с несомкнутыми концами, характерные для периода 1-2А рязано-окских могильников (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 7, 28 — см. цветную вклейку), расчищены в двух погребениях (п. 18 — 2 экз., п. 20; рис. 5, 3 — см. цветную вклейку). Проволочный браслет отмечен в одном погребении (18). Перстни представлены двумя типами — спиральными из проволоки в три (п. 15; рис. 4, 3 — см. цветную вклейку) и шесть оборотов (п. 20) и пластинчатым несомкнутым плоско-выпуклого сечения (п. 18; рис. 5, 4 — см. цветную вклейку).

Из погребений происходят 4 нагрудные застёжки разнообразных типов (п. 16, 18, 20). Все они выполнены в технике литья по восковой модели и достаточно типичны для позднедыяковских и рязано-окских древностей. Застёжка из погребения 16 представляет собой пряжку лировидной (?) формы с частичной обмоткой и отдельными S-видными декоративными элементами по внешнему краю. В погребении 18 найдены две застёжки. Первая — круглая, в ее основе 2 кольца со сплошной обмоткой, на внешнем и внутреннем кольце треугольники ложной зерни (рис. 5, 15 — см. цветную вклейку). Вторая (рис. 5, 17 — см. цветную вклейку) тяготеет к типу 1Д, выделенному И.В. Белоцерковской (2000. С. 103), и близка по форме застёжке из могильника Заречье (п. 112). Застёжка из погребения 20 тяготеет к серии 2Б1, по И.В. Белоцерковской (2000. С. 103), и близка по форме застёжке из п. 4 могильника Заречье (*Белоцерковская*, 1996. Табл. 1, 7).

Интересна круглая ажурная бляха из погребения 15 (рис. 4, 2 — см. цветную вклейку). В ее основе 2 кольца: внутреннее со сплошной обмоткой, внешнее — ложноплетеная «косичка», между кольцами зигзаги из ложноплетенной «косички», по внешнему краю декор из треугольников ложной зерни. На обратной стороне — проволочные петельки для крепления.

В погребении 20 расчищено сложносоставное шумящее украшение из кожаных (?) шнурков с бронзовыми обоймицами и привешенными к ним колоколовидными беспетельчатыми привесками, круглыми в основании, непрорезными и с треугольными прорезями. Эти типы привесок достаточно распространены и встречаются в материалах Троицкого и Щербинского городищ (*Дубынин*, 1970. Табл. 18; 19; *Розенфельдт*, 1982. Рис. 2, 26–29).

Среди деталей костюма следует отметить парные бронзовые обувные пряжки с рамками D-образной формы и пластинчатыми щитками (рис. 4, 1, 2 — см. цветную вклейку), найденные в погребении 14, а также немногочисленные железные пряжки разных форм, помещавшиеся преимущественно в мужские погребения (14, 17). Единственным исключением была железная сегментовидная пряжка, найденная в погребении 20 в составе сопровождающего инвентаря или дара, расположенного рядом с головой погребенной; возможно, она являлась крепежной частью шумящего украшения, описанного выше.

Стеклянные изделия представлены бусами (220 экз.) — многочастными золотостеклянными пронизками и единичными печеночно-красными бусинами. В двух случаях (п. 15, 20) отмечены скопления бус — следы расшивки или низок; в погребении 18 найдены только 3 бусины. Бусы этих типов — массовая категория для рязано-окских могильников и датируются периодом не ранее рубежа II/III вв. н. э. — не позднее рубежа IV/V вв. (*Румянцева*, 2007. С. 217–219).

Бытовые предметы немногочисленны и представлены находками из глины и железа. В числе последних — 2 шила (п. 18, 20), игла (п. 20), 5 ножей с выпуклой и прямой спинкой (п. 15, 16, 17-1, 20), один из которых находился в ножнах с пластинчатым железным каркасом (п. 14; рис. 3, 4). Подобная конструкция ножен встречается в материалах рязано-окских могильников периода 3А (Ахмедов, 2007. Табл. 19, 8). Среди предметов из глины 4 битрапециодных пряслица (п. 15, 16, 18, 20; рис. 4, 9; 5, 7 — см. цветную вклейку) и керамический лепной сосуд с насечками на венчике (п. 15; рис. 4, 8 — см. цветную вклейку). Следует отметить, что это пока первая находка керамики в погребениях. Редкая встречаемость керамических сосудов в погребениях Большого Давыдовского отличает погребальный обряд этого некрополя от могильников рязано-окской культуры, где керамика является одной из самых массовых категорий.

Ниже приводятся описания погребений, исследованных в 2009 г.

Погребение 14. Открыто на глубине 83–84 см от уровня современной дневной поверхности и 40–42 см от уровня поверхности материка в подпрямоугольной яме, ориентированной по оси 3–В с отклонением 15° к северу. Размеры ямы составляли 257х67 см при выявлении, 250х60 см — по дну, стенки почти отвесные, дно плоское.

Погребение мужчины 25–35 лет совершено по обряду ингумации. Около костяка, лежащего вытянуто на спине, головой на восток с отклонением 11° к северу, зафиксированы отдельные небольшие фрагменты обгорелого дерева, определенного как дуб. Сохранность костей очень плохая. Сохранился тлен от черепа, зубы, тлен от длинных костей рук и ног. Длина костяка составляет не менее 160 см. Череп повернут на левую сторону.

Около основания черепа находилась бронзовая подковообразная сьюльгама прямоугольного сечения, декорированная врезными треугольниками (рис. 3, 7 — см. цветную вклейку).

В районе груди с правой стороны лежал небольшой железный пластинчатый предмет, назначение которого не определено (рис. 3, 6 — см. цветную вклейку). В районе пояса в центре расчищены большая железная подковообразная сьюльгама и лежащая под ней маленькая железная пряжка (рис. 3, 3, 8 — см. цветную вклейку). Вдоль правого бедра располагался железный нож в кожаных ножнах с железным каркасом (рис. 3, 4 — см. цветную вклейку). Около ножен расчищена железная пряжка с пластинчатым щитком (рис. 3, 5 — см. цветную вклейку), при помощи которой ножны, вероятно, были пристегнуты к поясу. На ногах погребенного, ближе к ступням, лежали две бронзовые пряжки с пластинчатыми щитками (рис. 3, 1, 2 — см. цветную вклейку).

Погребение 15 (рис. 2, 1). Открыто на глубине 68–70 см от современной дневной поверхности и 18–22 см от уровня материка в подпрямоугольной яме, ориентированной по оси 3–В с отклонением 12° к северу. Размеры ямы составляли 253х66 см. В засыпке обнаружена бронзовая ленточная спиральная пронизка.

Погребенный, индивид 30–34 лет, вероятно женщина (?), лежал в вытянутом положении. Кости черепа (основание височной кости) и коронки зубов сохранились фрагментарно. Костяк плохой сохранности, прослеживался в виде отдельных фрагментов костей и слабо читаемых пятен тлена.

К северо-востоку от костей черепа обнаружено скопление бронзовых предметов, на вещах и под ними зафиксированы фрагменты древесного тлена, волокна которого направлены по оси 3–В. Среди них два фрагментированных бронзовых височных

кольца с лопастью (рис. 4, 5, 7 — см. цветную вклейку), спиральный в 3 оборота перстень (рис. 4, 3 — см. цветную вклейку), проволочное перстнеобразное колечко (рис. 4, 4 — см. цветную вклейку) и скопление бронзовых спиральных пронизок (рис. 4, 5 — см. цветную вклейку).

В области костей черепа расчищено скопление из 122 многочастных золото- и серебростеклянных пронизей (рис. 4, 1 — см. цветную вклейку), составлявших ожерелье или расшивку ворота. В районе груди справа расчищена бронзовая круглая ажурная бляха (рис. 4, 2 — см. цветную вклейку), под ней — следы древесного тлена. В области ног расчищен развал лепного горшка, рядом с которым находились железный нож и глиняное битрапеоидное пряслице (рис. 4, 8–10 — см. цветную вклейку). Нож ориентирован по основной оси ямы, направлен острием к черепу.

Погребение 16 (рис. 2, 2). На глубине 53–57 см от современной дневной поверхности и 14–16 см от уровня материка в центральной части подпрямоугольной могильной ямы расчищена прослойка обугленного дерева — остатки одной или нескольких плах, лежащих по оси ЮЗ–СВ. Максимальные размеры этой прослойки составили 222х36–42 см, при мощности 1–2 см. Направление волокон соответствует ориентировке могильной ямы.

Погребение открыто под слоем обугленного дерева. Костяк плохой сохранности, удалось расчистить кости ног, части костей рук и кости черепа. Погребенный, взрослый индивид — женщина (?) 15–20 лет — лежал головой на восток с отклонением 17° к северу, на боку, с согнутыми в коленях ногами, подтянутыми к груди. Руки, судя по остаткам костной ткани, были согнуты в локтях. Погребение совершено по обряду ингумации, но, вероятно, костяк подвергся воздействию высокой температуры (?), что и обусловило лучшую (относительно других погребенных этой группы) сохранность костей.

К северу от черепа, практически вплотную к нему, обнаружены 2 фрагментированных бронзовых височных кольца с лопастью, лежавших рядом друг с другом, и небольшое скопление бронзовых пластинчатых пронизок-обоймиц, надетых, вероятно, на шнурок. При расчистке отмечены два слоя древесного тлена — лежавший под вещами и перекрывавший их. Направление волокон тлена соответствовало основной оси ямы. К югу от этого скопления предметов и к востоку от костей черепа находился железный нож, лежавший острием к ногам погребенного. В 15 см к ЮЮЗ от черепа обнаружено глиняное несимметричное битрапеоидное пряслице. Рядом с костями черепа, у его западной стороны, отмечено небольшое скопление бронзовых пластинчатых пронизок-обоймиц на шнурке и бронзовая скорлупообразная бляшка. В области груди справа расчищена бронзовая ажурная застежка.

Погребение 17. На глубине 63–77 см от современной дневной поверхности и 20–25 см от уровня материка в подпрямоугольной яме размерами 238х65 см, ориентированной по оси З–В с отклонением 15° к северу, расчищены два погребения, совершенные по обряду ингумации.

Погребение 17-1. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток с отклонением 14° к северу, занимая восточную и центральную части ямы. Сохранность костей очень плохая. Кости черепа, поврежденные землеройными животными, зафиксированы в виде фрагментов тлена и отдельных зубов. Сохранился тлен от костей правой руки и ног. Костяк принадлежал индивиду в возрасте около 25 лет, судя по со-

проводящему инвентарю, мужчине. Около костяка зафиксированы мелкие угли и фрагменты тлена, относящиеся к хвойным деревьям. В районе живота погребенного лежала бронзовая накладка скорлупообразной формы, диаметром 11 мм, без орнамента. У пояса справа лежал железный нож длиной 120 мм, слева — железная пряжка.

Погребение 17-2. В западной части ямы на участке размерами 11x10 см расчищены скопление зубов человека и 4 небольших бронзовых проволочных колечка, одно из которых было обмотано проволокой. Зубы принадлежат ребенку 10–11 лет.

Погребение 18. Расчищено на глубине 73–77 см от современной дневной поверхности и 42–45 см от уровня материка в подпрямоугольной яме размерами 244x74 см, ориентированной по оси З–В. Погребение принадлежит женщине 30–35 лет. Череп сохранился фрагментарно: верхняя и нижняя челюсти, затылочная часть. Кости посткраниального скелета сохранились отдельными участками: ключицы, 4 шейных позвонка, левая плечевая кость и часть левой лопатки, а также 2 фрагмента локтевой и лучевой костей левой руки; в виде пятен ожелезненного тлена читалась зона левой ноги. Погребенная лежала на спине в вытянутом положении. Ориентировка З–В, с отклонением 20° к северу.

С двух сторон от черепа расчищены бронзовые височные кольца с раскованной лопастью (рис. 5, 1, 2 — см. цветную вклейку). В центре левого височного кольца найдены проволочное перстне-образное колечко (рис. 5, 10 — см. цветную вклейку) и бронзовые пронизки, справа от черепа — перстнеобразное проволочное колечко (рис. 5, 6 — см. цветную вклейку).

На черепе сохранились остатки головного венчика или расшивки шапочки, состоявшие из бронзовых пронизок, полусферических одночастных, двухчастных и трехчастных бляшек (рис. 5, 11–14 — см. цветную вклейку), нашитых или нанизанных на шнурок в один ряд. На шею погребенной были надеты две бронзовые круглодротовые гривны с обрубленными концами. Одна — диаметром 20,6 см, со слегка заходящими концами, вторая (рис. 5, 3 — см. цветную вклейку) — сломанная, с несомкнутыми концами, диаметром 20,5 см.

В 8,5 см к востоку от черепа находилось сильно окисленное фрагментированное железное шило (?). В юго-восточном углу могильной ямы найдено бронзовое проволочное перстнеобразное колечко (рис. 5, 8 — см. цветную вклейку). К северо-востоку от черепа находилось глиняное битрапецеидное пряслице (рис. 5, 7 — см. цветную вклейку), ближе к северной стенке ямы — бронзовая колоколовидная привеска с треугольными прорезями (рис. 5, 5 — см. цветную вклейку) и проволочное перстнеобразное колечко (рис. 5, 9 — см. цветную вклейку).

У северного борта ямы, в районе левого бока, расчищены две бронзовые ажурные застежки (рис. 5, 15, 17 — см. цветную вклейку), лежавшие рядом. Под ними зафиксирован фрагмент древесного тлена, волокна которого ориентированы по оси ямы, и следы тлена с перпендикулярным направлением волокон.

В области груди — пояса находились печеночно-красная одночастная бусина и бронзовая пластинчатая бляшка. В районе правой руки обнаружен бронзовый пластинчатый перстень (рис. 5, 4 — см. цветную вклейку). На левой руке (от локтя и ниже) находился бронзовый проволочный браслет в 1,5–2 оборота. Там же расчищено еще одно наручное украшение, представлявшее собой ряд бронзовых обоймиц

с полусферической бляшкой, огибающее руку. Застрявшие в бляшке две обоймицы позволяют говорить именно о том, что это своеобразный «мягкий» браслет на шнурке, а не расшивка рукава. Ниже зафиксирован фрагмент древесного тлена, волокна которого ориентированы по оси ямы. В 10 см к юго-западу от браслета и костей рук найдена бронзовая пластинчатая бляшка. В районе ног (бедер?) справа расчищено скопление бронзовых пронизок, вероятно нанизанных на шнурок, в районе ног слева обнаружены 2 печеночно-красные одночастные бусины.

После снятия костей черепа и сохранившихся фрагментов верхней части посткраниального скелета расчищен подпрямоугольный в плане участок древесного тлена размерами 16x32 см и толщиной 5–7 мм. Ориентировка древесных волокон совпадает с основной осью ямы. Под ним зафиксировано подпрямоугольное в плане пятно тлена размерами 12x28 см и толщиной 1–3 мм, вытянутое по оси С–Ю. Ориентировка волокон этого фрагмента была перпендикулярна основной оси ямы и лежащему выше фрагменту. Ниже при зачистке плоского дна ямы отмечена канавка шириной 12 см и глубиной около 1–2 см, идущая также поперек основной оси ямы. Аналогичное перпендикулярное основной оси ямы углубление отмечено в 50 см от юго-западного края могильной ямы, его размеры — 69x14 см, при глубине 2,5–3 см.

Зафиксированные участки древесного тлена и следы от деревянных плашек позволяют говорить о присутствии внутримогильной конструкции, представлявшей собой деревянный настил, положенный на поперечные подкладки.

Погребение 19. Открыто на глубине 67–80 см от современной дневной поверхности и 32–40 см от уровня материка в подпрямоугольной яме размерами 205x68 см, ориентированной по оси 3–В с отклонением 20° к северу. На плоском дне, в 33 см от западного торца ямы и в 23–42 см от ее восточного торца, зафиксированы две канавки, заполненные темным, почти черным, гумусированным суглинком, идущие перпендикулярно длинной оси ямы. Их глубина составляла 4–5 см, при ширине 6–9 см. На поверхности восточной канавки собраны остатки зубов ребенка в возрасте 10 лет, лежавшие кучкой. Еще один зуб обнаружен за пределами канавки в восточной части ямы.

Погребение 20. На глубине 73–77 см от современной дневной поверхности и 42–45 см от уровня материка в подпрямоугольной яме размерами 241x64–73 см открыто погребение женщины 20–29 лет, лежавшей на спине в вытянутом положении, головой на восток.

Костяк частично разрушен землеройными животными и сохранился фрагментарно. Крупный фрагмент затылочной части черепа погребенной хорошей сохранности обнаружен в кротовине в юго-западном торце могильной ямы, за ее пределами. Там же обнаружены фрагменты височного кольца с лопастью, глиняное битрапециодное пряслице, железная игла, колоколовидные привески, 4 полусферические бляшки, бронзовые пронизки, бронзовая орнаментированная пластина (перстень?), фрагменты бронзовых изделий.

В относительно правильном анатомическом порядке лежали нижняя челюсть и часть костей посткраниального скелета. Расчищены 7 шейных позвонков, левая ключица, левая плечевая кость, несколько ребер, кости пальцев правой руки, лежащие на левой части грудной клетки. Судя по местоположению костей рук, правая была

Таблица 2. Радиоуглеродные даты образцов органики из погребений могильника Большое Давыдовское II

№	Лабораторный номер	Место отбора пробы	Радиоуглеродный возраст	Ошибка	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
1	К1А41060	Погребение 14, рядом с костями	1875	27	78–208	72–220 AD
2	К1А41062	Погребение 16, деревянное перекрытие над костяком, западная зона	1924	24	55–122	25–128 AD
3	Ле-8877	Погребение 16, рядом с черепом, под височными кольцами	1640	150	240–570	50–700 AD
4	К1А41065	Погребение 17, в области ног	1917	27	62–124	17–135 AD
5	К1А41063	Погребение 18, под ребрами рядом с позвоночником	1942	28	22–84	1–127 AD
6	Ле-8878	Погребение 18, поперечная «плашка» под черепом	1850	100	50–330	50–410 AD
7	К1А41064	Погребение 20, «коробочка» под скоплением предметов	1566	43	433–540	410–585 AD

согнута в локте и лежала на груди.

На погребенную была надета бронзовая круглодротовая гривна диаметром 20,8 см со слегка заходящими концами. Под ней зафиксирован участок древесного тлена, уходящий под кости черепа. Направление волокон соответствует основной оси ямы. Под западной частью гривны открыто фрагментированное височное кольцо с лопастью, частично перекрывавшее бронзовую круглую ажурную застежку, расчищенную в области груди. Рядом с нижней челюстью и под ней расчищено скопление из 88 многочастных золото- и серебростеклянных пронизей, составлявших ожерелье или расшивку ворота. К западу от гривны и к северу от ажурной застежки находились 2 золотостеклянные многочастные пронизы и 3 бронзовые полусферические бляшки.

К северо-востоку от костей черепа расчищено скопление предметов, включавшее железное шило, которое лежало перпендикулярно основной оси ямы, нож, направленный острием на ЮЗ, сложносоставное украшение из 10 бронзовых пластинчатых пронизок-обоймиц и 7 колоколовидных привесок, круглую железную пряжку, 5 бронзовых пластинчатых накладок и полусферическую бронзовую бляшку с ложновитым кантом. Под этим скоплением предметов расчищен фрагмент дерева аморфно-подовальной формы размерами 19х13 см. Направление волокон соответствует ориентировке могильной ямы. Равномерная толщина и наличие бортика, возможно, говорят о том, что это была некая емкость — «коробочка» с набором украшений и бытовых предметов. В этой же части могильной ямы, в 5–12 см от скопления, обнаружены 3 золотостеклянные многочастные пронизки, 2 бронзовые скорлупообразные бляшки, фрагмент бронзовой пластинчатой петли и бронзовая скорлупообразная бляшка.

В области бедер, практически в центре могильной ямы, с небольшим смещением к югу, найден проволочный спиральный перстень в 6 оборотов.

Вещевой набор из могильника Большое Давыдовское II в целом близок комплексам культуры рязано-окских могильников и позднедьяковским памятникам. Основываясь на современных разработках хронологии древностей рязано-окских могильников, дьяковской культуры и могильников Прикамья, вещевые комплексы из погребений можно отнести ко второй половине III — началу V в.

Радиоуглеродным методом (табл. 2) датированы 10 образцов углей и древесного тлена из 8 погребений, исследованных в 2008–2009 гг. В 8 случаях для датирования отбирался древесный тлен с волокнистой структурой, представлявший собой остатки погребальных сооружений, в 2 случаях — угли, находившиеся под костными остатками или над ними, их точное происхождение и функции в погребальных комплексах не определены.

Суммарный диапазон девяти дат: 28–570 AD. Общий интервал пяти из этих дат (KIA38186; KIA38187; KIA38185; Ле-8877; KIA41064, погребения 3, 4, 9, 16, 20) соответствует 139–570 AD и хорошо сочетается с датировкой вещевых комплексов погребений, хронологическое положение которых определяется в рамках второй половины III — начала V в. н. э. К этой серии близка еще одна дата (Ле-8878, 50–330 AD, погребение 18), часть интервала которой согласуется с археологической датировкой погребального комплекса. Даты еще четырех образцов (KIA41060, KIA41062, KIA41063, KIA41065, погребения 14, 16, 18, 17) образуют суммарный интервал 22–208 AD, не соответствующий возрасту вещей из погребений. При этом для погребений 16 и 18

зафиксировано значительное расхождение радиоуглеродных дат по образцам углей и древесного тлена, отобранном из одной и той же могильной ямы. Поскольку две из трех «ранних» радиоуглеродных дат получены в результате датирования древесного тлена от погребальных сооружений, находившихся в могилах (КIA41062, КIA41063), одним из объяснений расхождения радиоуглеродной и «вещевой» даты комплексов может быть использование для погребальных конструкций старых деревьев. Нельзя исключить и попадание в заполнение и на дно могильных ям при совершении захоронения почвенного гумуса.

Продолжение раскопок могильника Большое Давыдовское II в 2009 г. подтверждает основные выводы о культурном облике и хронологии этого памятника, сделанные ранее по итогам двух первых лет его исследования, но позволяет дополнить их и некоторыми новыми наблюдениями. Выявление второго ряда захоронений на площадке свидетельствует о том, что могильник представлял собой крупный некрополь со сложной внутренней структурой. Хотя точно определить размеры могильника и предложить узкие хронологические рамки для большинства погребений в настоящее время затруднительно, планиграфия могил на исследованном участке (в том числе непараллельное расположение двух рядов погребений) и широкий «разброс» радиоуглеродных дат дают дополнительные аргументы в пользу того, что могильник функционировал в течение достаточно протяженного времени, не менее полутора столетий. Существенны общая унифицированность погребального обряда и повторяемость некоторых редких его элементов — поперечные канавки на дне могильных ям (следы подкладок под погребальные сооружения), использование липы для устройства погребальных сооружений, могильные ямы с костяками, лежащими параллельно друг другу, головами в разные стороны (п. 3 и 17). Наконец, некоторые детали костюма и украшения, выявленные в погребениях в 2009 г., прежде всего круглые нагрудные ажурные застёжки, являются новыми выразительными свидетельствами культурной близости палеопопуляции, занимавшей во второй половине III — начале V в. поречье р. Урды, культуре рязано-окских могильников.

Литература

- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.*, 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники окского бассейна. Рязань.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.*, 1998. О начальной дате рязано-окских могильников // Тр. ГИМ. Вып. 96.
- Ахмедов И.Р.*, 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М.
- Белоцерковская И.В.*, 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Мат. науч. конф. (Тр. ГИМ. Вып. 122.)
- Белоцерковская И.В.*, 2007. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в

середине I тысячелетия н. э. М.

Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник. М.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е., 2010. Могильник Большое Давыдовское II — погребальный памятник первой пол. I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // РА. № 1.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.

Румянцева О.С., 2005. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения: Мат. науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 145.)

Румянцева О.С., 2007. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М.

И.Е. Зайцева

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОЕ ДАВЫДОВСКОЕ II¹

В погребениях могильника Большое Давыдовское II, исследованных Суздальской экспедицией Института археологии РАН в 2007–2008 гг., найдено более 300 украшений из цветных металлов. Этот материал представляет значительный интерес в контексте изучения культурных традиций и ювелирного производства финского населения Волго-Окского региона в первой половине — середине I тыс. н. э. Как отмечалось в первой публикации материалов, вещевой набор из погребений в целом близок комплексам культуры рязано-окских могильников, ареал которой удален от места раскопок примерно на 250 км к югу, при этом многие черты погребального обряда и вещевые находки правомерно рассматривать как отражение широких культурных связей населения, оставившего могильник, с другими территориями и культурными общностями: пьяноборской, азелинской, позднедьяковской и др. (*Макаров, Красникова, Зайцева, 2010. С. 49, 50*).

Среди вещей из цветных металлов особого внимания заслуживает комплекс так называемого «клада», расчищенный в погребении 3. В его состав входило более 40 бронзовых предметов, завернутых в ткань и помещенных вместе с пружинными ножницами, половиной железных удил с бронзовым кольцом, роговым гребнем черняховского типа и горсткой зерна в деревянный короб. Целые бронзовые вещи в составе клада единичны, наибольшим числом представлены смятые деформированные куски браслетов, гривен, височного кольца с лопастью, круглых блях, обувной привески, поясной пряжки, а также бесформенные фрагменты оплавленного металла. Кусочки металла, вероятно, являются переплавленными украшениями, обнаружен только один небольшой слиток (?) в форме лепешечки весом 5 г. Общий вес цветного металла из «клада» составляет около 800 г. Несомненно, «клад» представлял собой заготовленный для переработки лом украшений и принадлежал ювелиру, скорее всего, похороненному вместе со своим богатством.

В финно-угорских погребениях находки, связанные с ювелирным делом, не являются редкостью. Они собраны и проанализированы Л.А. Голубевой (1984) и М.Е. Маух (2008). Но, во-первых, подавляющее большинство захоронений с подобными

¹Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Финские древности I-й пол. — сер. I тыс. н. э. в Суздальском Ополе».

предметами принадлежит женщинам, тогда как погребение 3 из Большого Давыдовского коллективное: здесь в одной яме похоронены четыре индивида женского пола (три девочки и молодая женщина) и один мужчина². Череп мужчины отсутствовал, а на его месте как раз и располагалась деревянная коробка с «кладом». Во-вторых, по наблюдениям М.Е. Маух, самое раннее погребение с производственными находками датируется V в. (Маух, 2008. С. 94), а погребение 3 относится, по предварительным наблюдениям, к III–IV вв. В-третьих, в могилах преимущественно встречаются ювелирные инструменты, а не запасы сырья.

По данным Л.А. Голубевой, металлический лом и слитки обнаружены только в трех женских погребениях азелинской культуры (Голубева, 1984. С. 77). Наибольшее сходство с большедавыдовским имеет погребение 5 Суворовского могильника, в котором в головах женщины находился берестяной короб с ювелирными инструментами, слитками в виде палочек и различным металлическим ломом (Генинг, 1963. С. 31; Голубева, 1984. С. 77). Л.А. Голубева полагала, что азелинские погребения с инструментами не древнее V в. (Голубева, 1984. С. 77), между тем в «кладе» из Большого Давыдовского имеется лом бронзовых браслетов азелинского типа, что позволяет считать этот комплекс хронологически близким азелинским погребениям и относить последние к более раннему времени³. Таким образом, уникальность исследованного Суздальской экспедицией захоронения, маркирующего местное изготовление украшений из цветных металлов, очевидна.

Нами проведено изучение химического состава металла украшений из 8 погребений могильника (готовые изделия) и предметов из «клада». Всего проанализировано 64 находки (Приложение 1). Изучен состав металла следующих предметов: гривны (8 экз.), браслеты (5), височные кольца (7), сюльгамы (4), перстни (2), круглые бляхи (2), ажурные застёжки (2), шумящие украшения (2), спиральные пронизки (3), пряжки поясные (3), шпора (1), обувная подвеска (1), колечки разных типов (7), колоколовидные привески (2), привеска «лапка» (1), бляшки (4), фрагменты проволоки (2), обоймицы (2), скорлупообразные пронизки (1), один слиток (?), оплавленные бесформенные предметы (4).

Поскольку анализы цветного металла украшений рязано-окской культуры до настоящего времени не проводилось, для сопоставления были отобраны 26 предметов из синхронных погребений рязано-окских могильников Кораблино и Заречье⁴.

Сравнительная база представлена значительными сериями результатов анализов предметов II–V вв., принадлежащих различным культурам на территории Восточной Европы. Это 55 анализов находок с Троицкого городища дьяковской культуры (москворецкий вариант), проведенные Т.Б. Барцевой в 1960-е гг. методом оптико-эмиссионного спектрального анализа (Черных, Барцева, 1970. С. 200–206), дополненные исследованием материалов с этого же городища, выполненным в 2004 г. И.А. Сапрыкиной методом рентгено-флуоресцентного спектрального анализа.

² Пол четырех индивидов определен по инвентарю. Принадлежность одного костяка молодой женщине установлена по антропологическим материалам чл.-корр. РАН А.П. Бужиловой.

³ В задачи настоящей работы не входит полный сбор синхронных большедавыдовскому погребений с остатками ювелирного сырья. Это планируется предпринять в отдельной работе, посвященной подробной публикации «клада» из погребения 3.

⁴ Хочу поблагодарить И.В. Белоцерковскую, отобравшую предметы для исследования из рязано-окских могильников.

Ею же было изучено небольшое число предметов с городища Боршева (*Сапрыкина*, 2006). В 1960—1970-е гг. Т.Б. Барцевой детально рассмотрен цветной металл черняховской культуры (*Черных, Барцева*, 1972). В рамках этой работы накоплены большие массивы данных для многих синхронных памятников и культур Восточной Европы: мошинской, липицкой, зарубинецкой, позднесарматской, культур Восточной Пруссии и Восточной Прибалтики (там же. С. 60, 61). Небольшой серией (16 образцов) представлены предметы с городища Варварина Гора на юге Новгородской области, проанализированные Л.В. Коньковой (2003. С. 461—463). В работе В.Ф. Генинга (1963. С. 34) опубликованы результаты полуколичественного анализа 10 предметов из погребений Суворовского могильника азелинской культуры.

Опτικο-эмиссионный спектральный анализ металла отобранных нами образцов по методу трех эталонов был проведен А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург; описание метода см.: *Егорьков, Щетенко*, 1999. С. 40). Разбиение объектов на группы осуществлено способом классификации по заранее определенным параметрам, принятой в металловедении. В применении к археологическим материалам методические основы такой классификации разработаны Э.В. Королевой (1996), Н.В. Енисосовой и Т.Г. Сарачевой (*Енисосова, Митоян, Сарачева*, 2001).

Графики одномерного распределения элементов в исследуемых массивах показывают, что основными легирующими компонентами в меди являются олово, свинец и цинк, т. е. их доля в сплаве больше или равна 1%. В некоторых образцах концентрация мышьяка превышает однопроцентный рубеж, эти случаи будут рассмотрены особо. По наличию легирующих компонентов массивы разбиты на группы (сплавы). Названия сплавов даются по составляющим их компонентам (*Гутов, Никитин*, 1995. С. 55, 57):

- однокомпонентные — «чистая» медь (Cu);
- двухкомпонентные — свинцовые бронзы (Cu+Pb), оловянные бронзы (Cu+Sn), двойные латуни (Cu+Zn);
- трехкомпонентные — оловянно-свинцовые бронзы (Cu+Sn+Pb), оловянно-цинковые бронзы (Cu+Sn+Zn), свинцовые латуни (Cu+Zn+Pb), оловянные латуни (Cu+Zn+Sn);
- многокомпонентные сплавы (Cu+Sn+Zn+Pb).

Рассмотрим полученные группы. Из «чистой» меди, содержание каждого легирующего элемента в которой не превышает 1%, изготовлена только одна витая проволоочная гривна (п. 7). В меди фиксируется повышенное содержание мышьяка — 1,3%.

Наибольшим числом образцов представлены сплавы меди с цинком — латуни. Из **двойной латуни (CuZn)** изготовлены три предмета выборки (4,7%): проволоочная гривна (№ 2), колоколовидная привеска (№ 44) и обоймица (рис. 1). Все находки происходят из разных погребений. Концентрация цинка довольно высокая — она варьирует от 12 до 21% (среднее значение равно 15,3%).

Более представительна группа **оловянных латуней (CuZnSn)** — 10 предметов (15,6%; рис. 2). Концентрация цинка в образцах составляет от 3,3 до 22% (среднее значение 12,2%). В 9 предметах она довольно высокая — более 8%. Содержание олова небольшое, оно варьирует от 1,6 до 13% (среднее значение 4,7%). В 9 образцах концентрация цинка превышает содержание олова. Только в обувной подвеске (№ 31) концентрации этих элементов одинаковы. В трех предметах содержание

Рис. 1. Предметы из двойной латуни (№ 44, 2) и оловянной бронзы (№ 8)

мышьяка составляет более 1%. Большинство находок из оловянной латуни обнаружено в погребении 3. Это колоколовидная привеска (№ 45), обоймицы, украшавшие шнурок, скорлупообразные пронизки (№ 11; все из погребения 3-5) и 5 предметов из «клада»: обломки двух круглодротовых гривен (№ 14, 23), смятой круглой бляхи (№ 15), обувной подвески (№ 31), обломанный азелинский браслет (№ 22). Две находки происходят из других погребений: проволочное кольцо среднего диаметра из погребения 2 и маленькое проволочное колечко из погребения 4 (№ 33).

Из свинцовой латуни (CuZnPb) сделано 4 предмета (6,3%; рис. 3). Концентрация цинка близка аналогичному показателю в рассмотренных ранее группах. Она составляет от 8,3 до 11% (среднее значение 9,8%). Свинец варьирует от 2,4 до 6,6% (среднее значение 3,9%), т. е. его, как и олова, по массе в сплаве значительно меньше. В образцах группы наблюдается повышенное содержание мышьяка — среднее значение 1,1%. Два предмета — дужка подковообразной сьюлгамы (№ 35) и проволочное колечко

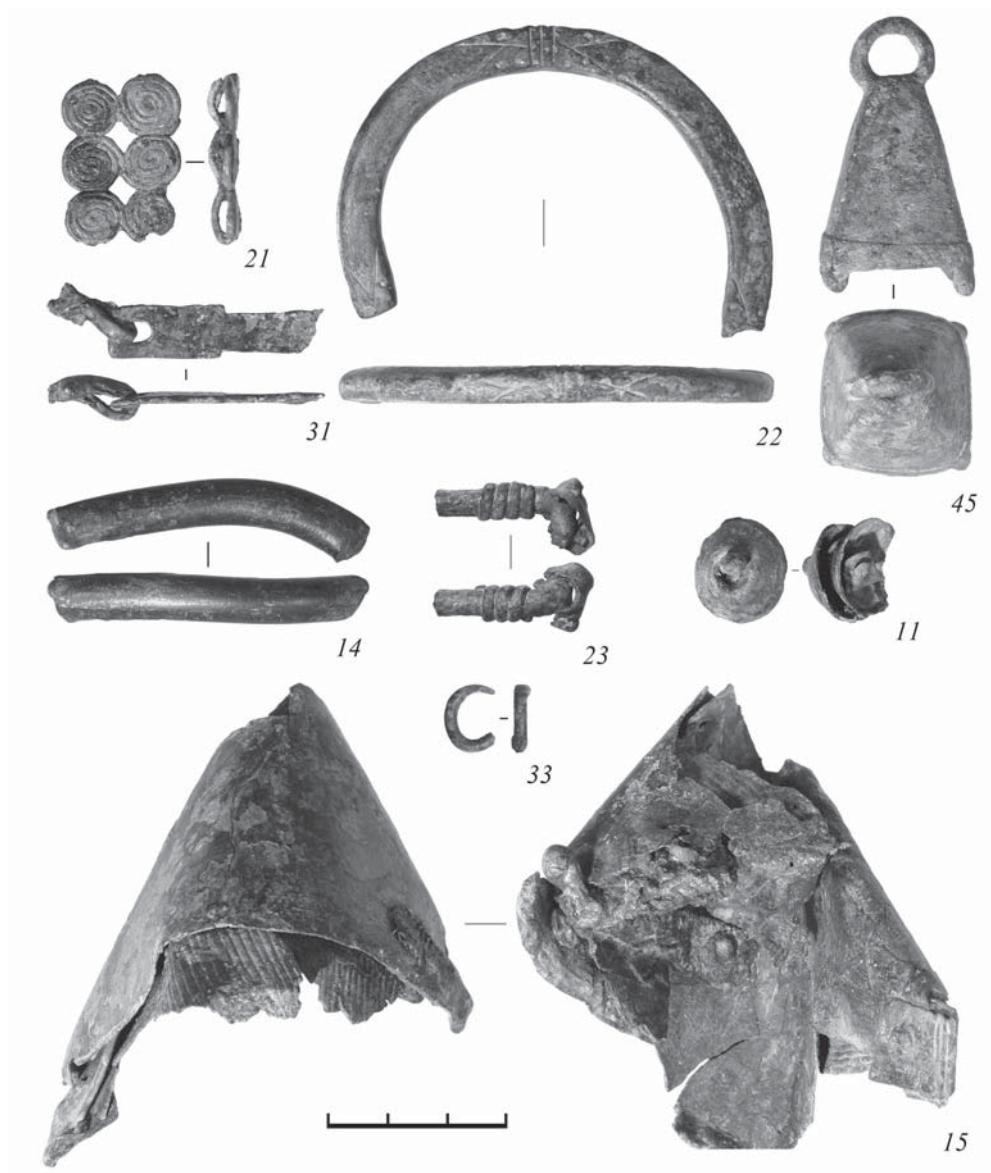

Рис. 2. Предметы из оловянно-цинковой бронзы (№ 21) и оловянной латуни (№ 11, 14, 15, 31, 22, 23, 31, 33, 45)

(№ 36) происходят из погребения 4. В погребении 3-2 обнаружен дровяный браслет (№ 50), а в погребении 9 — фрагмент проволоки.

По сравнению с латунями бронзы представлены меньшим числом проб. Из **оловянной бронзы (CuSn)** изготовлено 7 предметов (10,9%; рис. 4). Концентрация олова варьирует от 5,8 до 19% (среднее значение 10,8%). Преобладают образцы со средним и высоким содержанием олова — более 10%. находки этой группы происходят

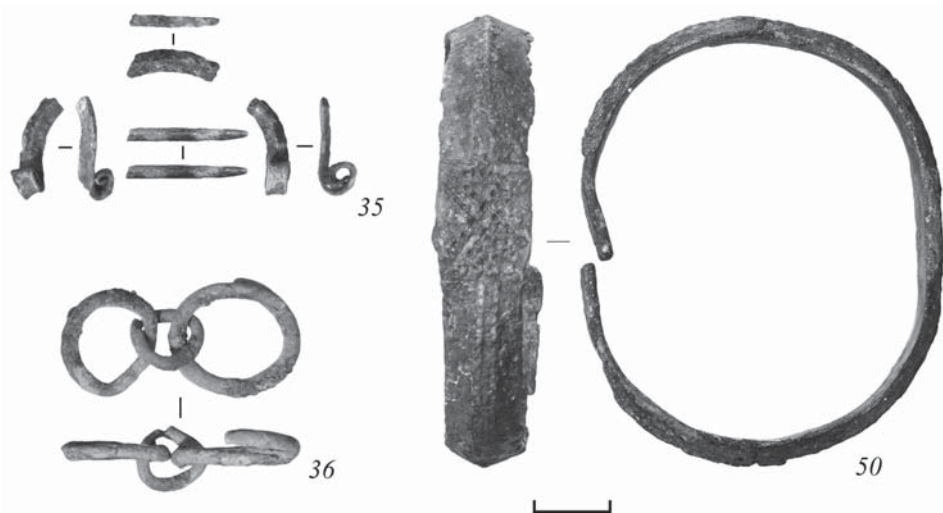

Рис. 3. Предметы из свинцовой латуни (№ 35, 36, 50)

из разных погребений. Это щиток пряжки (№ 3), дужка массивной сьюльгамы (№ 9) и колечко (п. 3), кольцо среднего диаметра (п. 4; № 7), витая гривна (п. 6; № 1), височное кольцо с лопастью (п. 11; № 5), ажурная застежка (п. 12; № 8).

Из оловянно-свинцовой бронзы (CuSnPb) сделано 10 предметов (15,6%; рис. 5). Содержание олова составляет 2,6–16% (среднее значение 6,7%), содержание свинца — 1,3–12% (среднее 2,45%). Во всех образцах, кроме одного, концентрация свинца небольшая: 1–3,6%. Содержание олова различно. Наряду с пробами с небольшим его содержанием, имеются образцы с 15–16% концентрацией этого легирующего элемента. Находки, изготовленные из оловянно-свинцовой бронзы, происходят из различных погребений. Это две пряжки (№ 39, 17) и бляшка в виде цветочка (№ 48) из погребения 3 (одна обломанная пряжка, № 17, находилась в «кладе»), два височных кольца с лопастью (п. 4. и п. 11; № 37), проволочное кольцо (№ 6) и проволока (№ 34; п. 4), две сьюльгамы (п. 6, № 54, и п. 9), проволочный перстень (п. 11; № 59). Как видим, в группе довольно много предметов сделано из проволоки. Изготовить проволоку из такого сплава непросто, поскольку оловянно-свинцовые бронзы являются преимущественно литейными сплавами. И, как правило, мастера, имевшие в своем распоряжении хорошо деформируемые латунные сплавы, старались делать проволоку из них. Удивляет и присутствие в этой группе двух височных колец с лопастью: расковать пластину больших размеров и придать ей форму трубки из ломкой оловянно-свинцовой бронзы достаточно трудоемко, особенно из сплава с 15% олова (анализ № 49).

Из оловянно-цинковой бронзы (CuSnZn) сделана одна накладка с волютами из погребения 3 (1,6%; рис. 2, № 21). Содержание олова в составе металла значительно превышает концентрацию цинка (13 и 3,3% соответственно).

28 предметов (43,7%) изготовлено из **многокомпонентного сплава**, содержащего олово, свинец и цинк. Концентрация цинка в образцах группы варьирует от 1,2 до 20% (среднее значение 7,7%), содержание олова составляет 1,3–16%

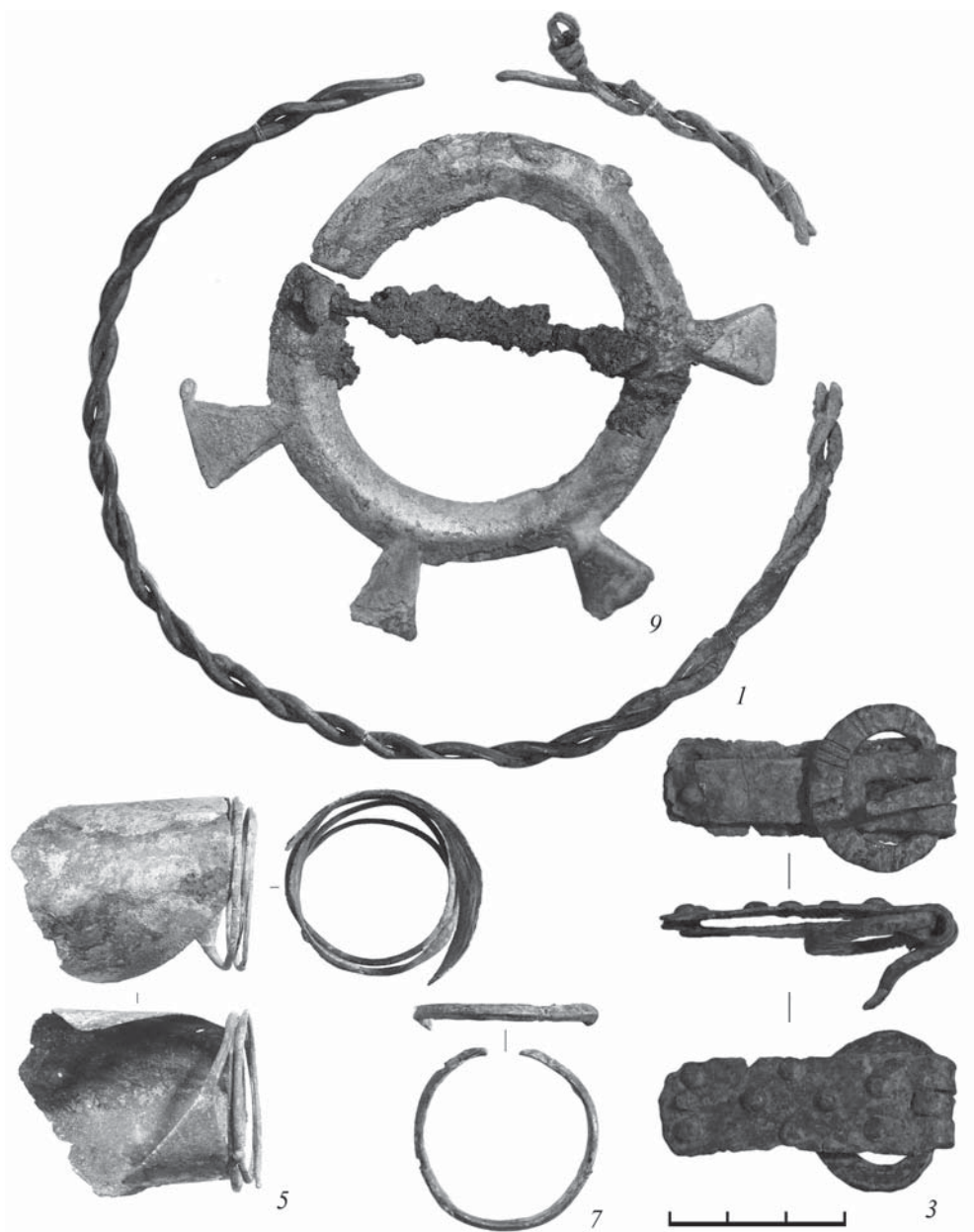

Рис. 4. Предметы из оловянной бронзы (№ 1, 3, 5, 7, 9)

(среднее значение 5,9%; рис. 9), содержание свинца колеблется в пределах 1–5,9% (среднее значение 2,4%). Наблюдения над гистограммами одномерного распределения легирующих элементов в сплаве показывают, что во всех пробах содержание свинца невысокое. В 7 образцах из погребения 3 концентрация олова значительно превышает концентрацию цинка, т. е. это многокомпонентная бронза (рис. 6). Из нее сделаны